

Н. А. Михалев

«ВЕЛИЧАЙШАЯ ТРАГЕДИЯ ВОЙНЫ НЕ ВИДНА НА ПОЛЕ БОЯ»: БЕЖЕНЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ*

УДК 94(470.5) 1914/19

ББК 63.3(235.55)534-68

Публикация посвящена истории российских беженцев периода Первой мировой войны. Автор показывает, что для ее всестороннего изучения необходимо привлечение не только делопроизводственной документации и материалов периодической печати, как это делается большинством современных отечественных исследователей, но и источников личного происхождения (эго-документов), созданных самими беженцами или непосредственными очевидцами массовых миграций военных лет. В качестве примера таких «личных текстов» впервые публикуется отрывок из очерков английской медсестры Виолетты Турстан, зимой 1915/1616 гг. участвовавшей в организации санитарно-медицинского обслуживания российских беженцев.

Ключевые слова: *Первая мировая война, беженцы, Виолетта Турстан, эго-документы*

Среди всех социально-экономических проблем, порожденных в России Первой мировой войной, беженство занимает особое место, не находя по своим масштабам и остроте сколько-нибудь сопоставимых аналогий в истории других участвовавших в войне государств. По расчетам советского демографа Е. З. Волкова, всего в годы войны свои дома вынуждены были оставить около 7,4 млн чел.; по оценке М. М. Грана, беженство 1914–1917 гг. «охватило массу населения по меньшей мере, в 10, если не в 15 млн чел.»¹ Промежуточные итоги разработки материалов Всероссийской переписи беженцев, осуществленной Татьянинским комитетом в 1916 г., свидетельствовали, что к концу 1916 г. в сельских местностях империи один беженец приходился на 100 чел. местных жителей, а в городах — на 28 чел.² При этом беженцы оказались расселенными практически во всех внутренних губерниях страны: к началу 1917 г. в Европейской России

и на Урале находился 91 % их общего числа, на Кавказе — 5,6, в Сибири — 2,0, в Средней Азии — 1,3 %.³

Не случайно поэтому в общественном дискурсе того времени «беженская проблема» характеризовалась как «государственная трагедия» или «общественная катастрофа». Некоторые современники полагали, что управлять «безграничным океаном» беженцев должным образом просто невозможно. Были также широко распространены метафоры, уподоблявшие беженство неподконтрольным природным бедствиям («наводнение», «потоп», «поток», «волна», «лавина», «наплыв», «многомиллионная лава» и пр.).⁴ «Беженский кризис», конечно, не являлся прямой причиной ни одной из русских революций начала XX в. В то же время резкий рост количества перемещенных лиц «имел весьма “расстраивающий” эффект как для государства, так и для русского общества», беженство «породило новые антагонизмы в царской России, создало дополнительные основания для политической оппозиции, способствовало дестабилизации экономических основ государства, помогло распаду территориальной конфигурации империи».⁵

Несмотря на эти обстоятельства, в советской историографии, всегда уделявшей перво-степенное внимание изучению предпосылок и причин революционных событий 1917 г., рос-

¹ Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 68–72; Гран М. М. Опыт изучения санитарных последствий войны 1914–1917 гг. в России // Тр. комиссии по обследованию санитарных последствий войны. Т. 1. М., 1923. С. 38.

² Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 14. С. 15.

Михалев Николай Анатольевич — к.и.н., ученый секретарь Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: n.mikhalev@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00151а «Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.)»

³ Подсчитано по: Известия Татьянинского комитета. 1917. № 19. С. 7–10.

⁴ Gatrell P. A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999. P. 200.

⁵ Ibid. P. 13.

сийское беженство времен Первой мировой войны предметом специального исследования не становилось. Ситуация изменилась лишь в 1990-е гг., когда появились первые статьи, положившие начало современной отечественной историографии беженства, насчитывающей к настоящему моменту внушительное число работ разного уровня и формата. Их объединяющей чертой является ставший уже практически универсальным подход, когда история российских беженцев рассматривается главным образом как бы «снаружи» и «сверху»: в эпицентре исследования оказываются организации и лица, имевшие прямое или косвенное отношение к делу управления и помощи беженцам, тогда как сами мигранты в виде некой обезличенной группы отходят на второй план.⁶ Во многом причиной тому является используемый отечественными авторами комплекс источников, основную часть которого составляет разнообразная делопроизводственная документация и периодическая печать. Эти материалы позволяют успешно реконструировать управленческо-институциональные аспекты истории беженства, но их недостаточно, чтобы показать истинную трагедию беженцев. Для этих целей необходимо обращение к документам личного происхождения, созданным либо самими беженцами,⁷ либо непосредственными очевидцами массовых перемещений населения в период войны.

К категории таких «личных текстов», правда с оговорками, можно отнести и работу Виолетты Турстан «Люди, которые бегут. Трагедия беженцев в России», эпиграфом к которой служит фраза, вынесенная в заголовок настоящей публикации. Анна Виолетта Турстан (1879–1978) — английская медсестра, участница Первой и Второй мировых войн, а также Гражданской войны в Испании. «Британский журнал медсестринского дела» так описывал интересующую нас часть «невероятных приключений» Турстан в годы Великой войны: «С началом войны она была назначена главной медицинской сестрой британского полевого госпиталя, который должен был быть

*Анна Виолетта Турстан (1879–1978)
Источник: <http://hypatia-trust.org.uk>*

размещен в Брюсселе. Едва она и ее персонал прибыл туда, бельгийское правительство решило не оказывать сопротивления, и немцы оккупировали город⁸. Большая часть персонала была эвакуирована, но мисс Турстан и две или три сестры остались в Брюсселе. Здесь к ней обратились с просьбой оказать помощь английским военнопленным, раненым после битвы при Монсе.⁹ Практически в одиночку она выступила против немецкого коменданта, требуя у него все необходимые для работы материалы. Впоследствии за свою службу она была награждена «Звездой Монса».¹⁰ По возвращении в Брюссель она и ее коллеги были взяты в немецкий плен, но в конце концов отпущены в Копенгагене. Здесь она сразу же решила добровольно отправиться на русский фронт, где ощущалась острая потребность в медсестрах. Чтобы добраться до фронта, ей пришлось ехать через Швецию. В то время

⁶ См. об этом подробнее: Суржикова Н. В., Михалев Н. А., Пьянков С. А. Российское беженство 1914–1922 гг. в контекстах новейшей отечественной и зарубежной историографий // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. № 3 (20). С. 44–52.

⁷ См.: «Отправьте нас, беженцев, на свои родимые места...»: беженцы Первой мировой войны на Урале, начало 1920-х гг. Документы ГАСО / Пред., под. и ком. Н. А. Михалева // Урал. ист. вестн. 2012. № 1. С. 134–146.

⁸ Брюссель был захвачен немецкими войсками 20.08.1914 г.

⁹ Битва при Монсе — сражение на Западном фронте Первой мировой войны, часть Пограничного сражения 7–25 августа 1914 г. В ходе сражения британский экспедиционный корпус нанес наступающей германской армии значительные потери, но был вынужден отступить.

¹⁰ «Звезда Монса» («Звезда 1914 года») — британская воинская награда в память о битве при Монсе, вручавшаяся участникам Первой мировой войны за службу на континенте.

Швеция выступала на стороне Германии, и она вместе с сопровождавшей ее сестрой испытали немало тревог».¹¹ На Восточном фронте Турстан работает медсестрой и шофером в летучем санитарном отряде, возглавляет временный госпиталь на 500 коек в польском городе Лодзь во время его осады немцами и чуть было снова не попадает в плен в ходе отступления русских войск к Варшаве. Получив ранение в ногу, она уезжает в марте 1915 г. на лечение в Англию. В Россию она вернется лишь в конце 1915 г., для того чтобы принять участие в организации медицинско-санитарного обслуживания российских беженцев.¹²

Именно по итогам пребывания В. Турстан зимой 1915/1916 г. в России и появились ее «очерки беженцев», изданные отдельной книгой в 1916 г. Как говорилось выше, однозначно определить видовую принадлежность данного источника нельзя. С одной стороны, в его основу легли личные переживания и впечатления автора от знакомства с положением российских беженцев (за время своего нахождения в России Турстан посетила Москву, Санкт-Петербург, Гатчину, Казань и Киев), с другой — в своем изложении Турстан опиралась на «большое количество отчетов, статистики и фактов», подвергнутых ею внимательному рассмотрению и анализу. Таким

образом, Турстан соединяет взгляд непосредственного автора-свидетеля с элементами публицистики. Публицистический характер работы подчеркивает и цель ее создания, сформулированная автором следующим образом: «В Англии из первых рук мы много слышим о бедственном положении бельгийских беженцев и по собственному опыту знаем, насколько мужественно оно переносится. О страданиях беженцев в России известно гораздо меньше, главным образом потому, что Россия находится так далеко, новости оттуда весьма скудны, и нам, как нации, сложно представить то, чего мы не видим, и понять, что происходит в других странах, если нам об этом не расскажут. Действительно, ни один человек, который не знает России, не может представить необъятность незаселенных пространств, отсутствие обычных и железных дорог, сложность с транспортом даже в мирное время; еще меньше он может знать о глубине страданий, выпавших на долю “людей, которые бегут”».

Публикуемый ниже текст представляет собой главу «Christmas day at Gatchina» из книги Thurstan V. The people who run. Being The tragedy of the refugees in Russia. London; New York: G. P. Putnam's Sons, 1916. P. 45–62. Перевод выполнен автором статьи.

Рождество в Гатчине

Рождество застало нас в дороге: мы ехали в Гатчину с подарками для детей, живших там в большом бараке.

Рождество в России — такой прекрасный праздник. Все готовятся к нему заблаговременно. На каждой рыночной площади полно маленьких елей, и даже самый бедный крестьянин сможет приобрести рождественскую елку, несколько игрушек и пряников, по крайней мере для детей. Мать готовит на праздник особые блюда, и каждый с нетерпением предвкушает угощение, так как Рождественский пост¹ в Русской церкви соблюдается очень строго. В Сочельник, когда наступают сумерки, все устремляют взоры на небо в ожидании Вифлеемской звезды, и когда появляется первая звезда, начинается большой праздник. Певцы рождественских гимнов ходят от двери к двери, носят домотканые полотнища, прославляя рождение Святого младенца и желая всем счастливого Рождества. Чудесный гимн «Господь Бог, спаси твой народ» разносится в неподвижном морозном воздухе. Затем проходит прекрасная всенощная служба в церкви, после чего зажигают елку, дарят подарки и начинается празднование. Мы узнали, что у бедных маленьких бездомных оборвышей, живущих в этом бараке, совсем не было рождественских торжеств. С этим нельзя было смириться, и вот, благодаря помощи многих добрых друзей, было приготовлено несколько сот нарядных холщовых мешочков, в каждый положили носовой платок, игрушку, ложку и немного сладостей, печенья или орехов.

¹¹ Miss Violetta Thurstan on active service in Spain // The British journal of nursing. 1937. Vol. 85. P. 79.

¹² Hardie-Budden M. Thurstan, Anna Violet // Oxford Dictionary of National Biography, Oxford University Press, Oct 2008 [http://www.oxforddnb.com/view/article/59611, accessed 20 Jan 2014]

Стоял день, когда было по-настоящему хорошо жить, — один из тех редких совершенных дней, которые время от времени случаются в Петрограде зимой. По небу была разлита бледная северная лазурь, солнце отважно светило, одаряя весь город светом и цветом, высвечивая темно-синие купола и бледно-золотые минареты* церквей. Недавно прошел снегопад, и острый утренний мороз превратил все это в сказочную страну. Один час в жарком и душном поезде — и мы в Гатчине. Барак располагался недалеко от станции, поэтому подарки были сразу доставлены туда. Он представлял собой огромный ангар, где были размещены пятьсот семей. Пятьсот семей! Только подумайте, целая деревня, втиснутая в один ангар! На первый взгляд, такое кажется физически невозможным, однако именно там они и жили. Императорский дворец в Гатчине¹¹ является резиденцией Марии Федоровны, вдовствующей императрицы,¹¹¹ и ранее этот ангар использовался для укрытия царского поезда от дождей и холодов, на подъезде к нему еще можно было видеть железнодорожные пути. Строение было довольно высоким, в половину его высоты были сооружены леса, образуя верхний ярус и делая всю конструкцию в точности похожей на кроличий садок.^{11V} Сложно сказать, где жить лучше — наверху или внизу. Внизу — темно, душно и сыро, наверху — больше света, но снизу поднимаются испарения и зловоние от перенаселенности весьма неприятно. На входе в барак было отгорожено нечто вроде передней: здесь располагались длинные деревянные столы и лавки и сюда обитатели барака могли прийти поесть. За пределами этой комнаты, непосредственно в бараке, каждой семье для проживания было выделено около восьми квадратных футов^V пространства, и в таких условиях пятьсот семей жили уже на протяжении трех или четырех месяцев. Посередине барака проходила низкая деревянная перегородка, в результате люди, жившие в его центре, находились спина к спине со своими соседями, разделенные лишь этой перегородкой. Других перегородок не предусматривалось, но многие жители барака натянули веревки и повесили одеяла или шторы так, чтобы обеспечить хоть немного уединения. Другие, вероятно, предпочитая больше воздуха, не отгораживались занавесями, поэтому вся жизнь семьи была открыта постороннему взгляду. Пространство у стен барака, по-видимому, считалось гораздо более «аристократической» частью для проживания, чем его центр. Из обстановки беженцы располагали лишь тем, что смогли привезти с собой. Все они являлись выходцами из Польши^{VI} (Гатчина находится на основной железнодорожной линии между Варшавой и Петроградом^{VII}), и некоторые из них сумели сохранить многое из своего имущества. У некоторых семей были кровати, у некоторых — даже буфеты, две или три женщины умудрились спасти швейные машинки, то тут то там встречались колыбели. Те, у кого не было кровати, спали на тряпье прямо на полу, а обитый жестью сундук, где хранилась одежда, как правило, был единственным предметом, на котором можно было сидеть. Все беженцы, будучи жителями Польши, являлись католиками, и очень трогательно было видеть, что, несмотря на все потери, почти все они сумели сохранить распятие или изображение Мадонны, которое висело на почетном месте.

Здесь и там встречались неопрятные семьи, но в большинстве случаев было трогательно наблюдать за теми усилиями, которые эти бедные люди прикладывали, чтобы содержать отведенные им места в порядке и чистоте. Нижняя часть барака в особенности отличалась очень темными углами, и жившие там дети выглядели зеленовато-бледными и нездоровыми, подобно росткам картофеля, который слишком долго держали в подвале. А за пределами барака находился мир света и свободы — мир, где светило солнце, а воздух был морозным и бодрящим. В парке по соседству здоровые дети кувыркались в снегу, катались на санках и коньках, кричали, смеялись, наслаждаясь жизнью.

— Неужели эти дети не бывают на улице? — спросила я у одной из матерей.

— Нет, барыня, слишком холодно, у нас нет верхней одежды, нет обуви и чулок для детей. Мы покинули нашу деревню летом и здесь у нас лишь летняя одежда, — ответила она.

Я огляделась кругом. Действительно, на детях были хлопковые платя и костюмы, многие из них были босыми, и я вспомнила, как видела двух маленьких мальчиков около барака, когда мы входили с подарками, которые, ускользнув от материнского взора, бегали босиком по снегу — их ступни были красными, ободранными и кровоточили от холода.

— Но они пробыли здесь уже три или четыре месяца. Неужели они не ходят в школу?

— Нет, барыня, их не берут в школы, боятся. У нас в бараке много случаев кори и скарлатины. Иногда в день умирает по три или четыре ребенка. Я сама потеряла двоих. Но что делать? Другие страдают еще больше.

От слов мало пользы, когда лицом к лицу сталкиваешься с неприкрытой правдой жизни, и нет никакого смысла в знак утешения говорить этим людям избитые фразы. Наш разговор на время прервался. Мы распаковали подарки в передней комнате и аккуратно разложили их на большие кучки: в розовых мешочках были подарки для младенцев, в темно-синих — для больших девочек, в голубых — для маленьких, в ярких носовых платках с изображенными на них флагами всех союзников вместо мешочков — для мальчиков. Дети столпились вокруг нас — довольно робкие, с точки зрения англичанина, но их белые личики все равно светились радостным ожиданием. Их было так много! У меня порой возникало ужасное беспокойство, что подарков может не хватить, и я беспрестанно спрашивала себя, что же мы будем делать, если подарков будет недостаточно, но надеялась на лучшее.

Мы попросили одного из старших подростков лет шестнадцати выстроить детей в ряд вдоль одной стороны стола, на котором были разложены подарки, и организовать проход в толпе, чтобы они могли возвращаться по другой стороне. Они были очень послушными и благовоспитанными, бедные маленькие существа, и быстро поняли, что от них требовалось. Один за другим они робко подходили, их ставили на скамейку, вручали им подарок, и они быстро уходили, точь-в-точь как пугливые дружелюбные птички-малиновки, которые преодолевают свою робость и решаются на поиски еды суровой зимой. Большинство детей обладали хорошими манерами: после напоминаний своих матерей они приседали в реверансе, говорили: «Спасибо, барыня», — и страстно целовали наши руки после получения подарка. По мере того как они подходили, появлялась прекрасная возможность тщательно осмотреть каждого ребенка, и сердце сжималось, когда приходилось поднимать почти невесомые истощенные тела, на которых через тонкую ткань просвечивала почти каждая косточка, и видеть маленькие истощенные бледные лица и запавшие глаза, свидетельствующие о неудовлетворительном питании и затхлом воздухе. Также можно было наблюдать множество легких расстройств, от которых страдали дети и которые без должного ухода в дальнейшем, вероятно, обострятся или перейдут в хроническую форму.

Держа друг друга за руки, к нам подошли два малыша, без сомнения брат и сестра, с такими воспаленными глазами, что ресницы склеились от выделений, и они с трудом могли видеть, чтобы взять свой подарок. Дети с опухшими гландами, дети со зловонными выделениями из ушей, маленькая девочка с острым воспалением на пальце, требовавшим вскрытия, мальчик с тяжелой формой стригущего лишая, почти каждый ребенок с какой-либо болезнью или язвой, маленькие мальчики, чьи бледные лица и отекавшие веки безошибочно говорили о проблемах с почками, дети с раздражающим кашлем, сотрясавшим все тело.

Что за трагическая процессия!

Как мне хотелось перенести некоторых из них прямо в Англию и поместить в знакомый мне коттедж в Сомерсете,^{VIII} накормить их сливками, отпустить играть на открытом воздухе весь день напролет, пока их истощенные тельца не поправятся, на их бледных лицах не появится румянец и загар и немного света и радости не вернется в их ввалившиеся голодные глаза.

Раздача подарков продолжалась, радость детей от наших небольших даров была неопишима. Одна маленькая девочка, обнаружив внутри своего мешка украшенный бисером кошелек с двумя фартингами,^{IX} была настолько охвачена чувствами, что не знала смеяться ей или плакать, но в конце концов решила на сияющую улыбку, и лишь одна крупная слеза покатила по ее щеке, которую она тщательно вытерла тощим пучком волос, чтобы та не упала на драгоценный кошелек.

Ужасно видеть действительно голодного ребенка.

Некоторые дети набросились на печенье как оголодавшие зверьки. Другие же, почти забыв о том, что значит есть, не имели аппетита и, откусив от печенья только маленький кусочек, оставляли его на потом. Увы, в каждом мешке печенья было всего по четыре–пять штук.

Процесс раздачи подарков вдруг странным образом был прерван. Небольшая группа из восьми–десяти женщин, поющих печальную литанию,^X прошествовала мимо столпившихся детей и вышла в дальнюю дверь барака. Они шли парами, первые две держали зажженные свечи, и я смогла увидеть, что лицо одной из женщин опухло от слез. В бараке только что умер ребенок, и женщины направлялись в город, чтобы собрать деньги на гроб. Мы остановили раздачу подарков и замерли в молчании, пропуская их, однако это никоим образом не омрачило процесса: эти дети уже слишком привыкли к смерти, чтобы пугаться ее.

Наши опасения были беспочвенны: подарков вполне хватало. Их было достаточно для того, чтобы каждый присутствовавший ребенок получил подарок; остались подарки и для тех, кто из-за болезни находился в постели и не смог подойти к нам.

Формально беженцы, находившиеся в бараке, должны были сообщать о любом случае болезни, и если заболевание приобретало серьезный характер, их *должны были*** доставлять в больницу, но, как правило, ни того ни другого не происходило. Эти бедные люди боялись более всего быть разлученными со своими близкими, поэтому они скрывали болезнь сколько было возможно. Ни один микроб не мог пожелать себе лучшей среды для распространения, чем та, которая была в этом бараке; поэтому стоило инфекционной болезни появиться, как она в мгновение ока разносилась по всему бараку, и местная больница была бы, конечно, переполнена, если бы стала принимать всех заболевших. Страх беженцев быть разлученными вполне понятен. Они пережили слишком многое, потеряли практически все, что у них было, за исключением друг друга, поэтому жить среди близких людей, которые к тому же приехали из той же деревни, было для них, вероятно, самым большим облегчением их несчастья. По этой причине там, где им могли предоставить более пригодное жилье, они зачастую без колебаний отклоняли такие предложения, если вставал вопрос об их разлучении, что, таким образом, означало распад семьи.

Обычные городские больницы в России — серые и безрадостные заведения, и, увы, в слишком многих из них пациенты не получают должного ухода и внимания без соответствующих «чаевых», поэтому беженцы очень боятся попасть туда.

Есть у них также страх того, что они вернутся и обнаружат, что семья вывезена в неизвестном направлении, и это не пустые опасения: такое происходило не раз.

Не удивительно, что они скрывают и отрицают болезнь до тех пор, пока это возможно, но в результате этого в день нашего визита имелись случаи скарлатины, оспы, кори, свинки, рожистого воспаления, стригущего лишая, помимо прочих неинфекционных болезней.

Обходя барак, мы прошли мимо места, где лежало тело маленького ребенка. Девочка лежала на кровати, одетая в новое яркое розовое платье, которое так нужно ей было при жизни, в новые белые носочки и туфли, покрытые папиросной бумагой. Венок из розовых искусственных роз был надет на ее голову, икона с изображением «Скорбящей Богоматери», с жалостью смотревшей на убитую горем мать, висела прямо над кроватью. Восковое личико ребенка выглядело умиротворенным и счастливым, губы застыли в полуулыбке.

По той же стороне находилась другая клетушка, где еще одна мать, горько рыдая, склонилась над колыбелью умирающего ребенка. «Это ее последний ребенок, — грустно сказала соседка. — У нее было четверо, а сейчас не осталось ни одного».

— Нельзя ли каким-нибудь образом привезти сюда доктора, чтобы он позаботился об этих детях?

— Мы посылали за доктором, барыня, но он был в отъезде, и вместо него прибыл *фельдшер*.^{XI} Он сказал, что у ребенка корь и воспаление легких и ничего уже сделать нельзя.

Фельдшер — это такое гибридное существо, которого нет в Англии. Он несколько выше по званию, чем студент-медик, но ниже, чем доктор. Его никогда не повышают: он остается фельдшером всю свою жизнь, либо становится неквалифицированным ассистентом доктора, либо ведет всю медицинскую практику в деревне, где нет врача. Иногда это старый солдат, работавший в военных госпиталях и получивший общее представление о грубой хирургии, но обычно он знает о детских болезнях не больше, чем трубочист — о китайском фарфоре.

— Все дети умирают здесь, барыня, — продолжала женщина, вытирая слезы, катившиеся по ее щекам, своим грубым передником. — Они слабеют и умирают. А иногда их бросает в жар, и затем они также умирают. Ой-ой-ой, что же со всеми нами будет? — бедная женщина окончательно потеряла самообладание и зарыдала.

— Но неужели доктор никогда не приходит сам?

— Да, барыня, иногда он приходит, дает лекарства, но дети все равно умирают. Ой-ой-ой, что с нами станет? Ой-ой-ой!..

На верхнем ярусе лесов в одной из клетушек лежал, умирая от чахотки,^{XII} высокий исхудавший мужчина. Он сел на кровати, опираясь на те подушки, что можно было изготовить из подручных материалов; у него были мертвенно-бледные щеки, багровые губы, рот с трудом ловил воздух. Все же он был рад и польщен, когда мы вручили ему один из детских подарков. Его очень позабавило то, что его приняли за ребенка, и он

торжественно выложил ложку, сладости и носовой платок на край кровати. Было очевидно, что его конец недалек, но в то же время он являлся источником острой инфекции для своей семьи и всех окружающих.

Сложно представить себе людей с меньшей сопротивляемостью болезням, чем была у обитателей этого барака после трех- или четырехмесячного пребывания здесь. Они почти никогда не покидают его зловонной атмосферы, эти люди, которые привыкли к открытому воздуху, сельской жизни в гораздо более мягком климате Польши, они недоедают, они плохо одеты. Неудивительно, что они готовы сдаться любой болезни, которая появляется перед ними.

Несомненно, нужно срочно что-то сделать, пока они все не погибли.

Барак, в котором жили эти люди, был предоставлен железной дорогой. И значительную часть работы с беженцами выполнили ее служащие, которые напрягали все силы, чтобы облегчить ужасные страдания, поджидавшие беженцев на каждом шагу. Какими бы отвратительными ни были условия в бараке, по крайней мере, беженцам дали бесплатную крышу над головой и, по крайней мере, в их убежище было тепло, действительно очень тепло. Железнодорожные власти, кроме того, выплачивают каждой семье по четырнадцать рублей в месяц,^{xiii} так что, безусловно, как сказала одна из женщин, другие беглецы страдают больше, чем они. Есть, например, беженцы, которые до сих пор скрываются в лесах рядом с линией фронта, тайком пробираясь по ночам к своим сожженным покинутым домам, живя тем, что смогут достать.

Слабым местом данного мероприятия является то, что небольшие семьи оказываются в гораздо более хорошем положении по сравнению с большими, поскольку каждая семья получает в месяц четырнадцать рублей, независимо от количества ртов, которые нужно прокормить.

Немного организации позволило бы беженцам питаться на их четырнадцать рублей в месяц намного лучше. Что касается их покупательной способности, то в настоящее время они примерно равны 4 шиллингам 6 пенсам^{xiv} в неделю в Англии — довольно скромная сумма, чтобы содержать семью, хотя русские и поляки из малоимущих классов живут намного проще, чем наши бедняки в Англии.

Мы спросили о том, в какое время принято есть в бараке.

— Мы едим только один раз в день, — ответила женщина без какого-либо недовольства. — Мы едим в полдень, и еще у нас чай утром и вечером.

— Не можете ли вы достать молока для детей?

— Нет, барыня, молока очень мало, и оно очень дорогое, мы не можем достать молока.

Вместо того чтобы каждая женщина совершала покупки и самостоятельно готовила для своей семьи, можно было бы организованно покупать провизию по оптовой цене, и то же количество денег обеспечило бы большее разнообразие и лучшее снабжение продуктами. Правда я совсем не уверена, что это им понравится в большей степени, нежели настоящее положение: покупка продуктов и приготовление пищи позволяют им чувствовать себя как дома и поддерживают их интерес к жизни, а возможность индивидуального выбора для их морального здоровья гораздо лучше, чем внешняя забота по ведению их хозяйства. Я видела бараки в других местах, которым уделялось больше внимания, которые были чище и не так переполнены, в которых питание обеспечивалось различными организациями помощи беженцам;^{xv} и поскольку самим беженкам там оставалось очень мало пространства для деятельности, они, как правило, выглядели более апатичными и несчастными, чем женщины гатчинского барака, как бы плохо в нем ни было.

Но я уверена, что преимущества совместного ведения хозяйства перевесили бы недостатки и что можно было бы придумать способ, чтобы женщины заведовали общим хозяйством самостоятельно, по очереди занимались приобретением продуктов и приготовлением пищи либо разделили обязанности каким-то другим образом.

Если бы только появился благодетель, чтобы как-нибудь вывезти детей из этого барака! Если бы можно было создать заведение, которое являлось бы чем-то средним между детскими яслями, амбулаторией, детским садом и питательным пунктом,^{xvi} куда дети могли бы приходить утром и оставаться там до вечера, где бы их кормили, одевали, обучали, развлекали, заботились об их здоровье, это могло бы спасти очень много жизней этих маленьких детей.

Уже после того, как глава была написана, я узнала, что данный барак был признан непригодным для проживания, а беженцы были эвакуированы.

Примечания и комментарии

* Так в тексте.

** Здесь и далее курсив В. Турстан.

^I Рождественский пост — христианский пост, установленный в честь Рождества Христова. Соблюдается с 15 (28) ноября по 24 декабря (6 января). В православных церквях византийской традиции Рождественский пост является одним из четырех многодневных постов церковного года и служит 40-дневным приготовлением к празднованию Рождества Христова.

^{II} Большой Гатчинский дворец — императорский дворец, расположенный в Гатчине, единственный дворец в пригороде Санкт-Петербурга. Построен в 1766–1781 гг. по проекту Антонио Ринальди для фаворита Екатерины II графа Г. Г. Орлова. После восшествия на престол Александра III стал основной загородной резиденцией царской семьи.

^{III} Мария Федоровна (при рождении Мария София Фредерика Дагмар (Дагмара), 1847–1928) — российская императрица (с 1881 г.; с 1894 г. — вдовствующая), супруга Александра III, мать императора Николая II.

^{IV} Садок — помещение, приспособленное для содержания, разведения или откорма животных, птицы.

^V Фут — единица измерения длины в английской системе мер, равная 12 дюймам, или 0,3048 м.

^{VI} Поляки составляли вторую по численности (после русских) группу беженского населения России. Так, по состоянию на 1 февраля 1917 г. среди 3 200,5 тыс. беженцев в империи поляков насчитывалось 513,4 тыс., или 16,3%. Из них в уездных и губернских городах осело 304 тыс. поляков (или 59,2%), в сельской местности — 209,4 тыс. чел. (или 40,8%) (Известия Татьянинского комитета. 1917. № 19. С. 7). При этом подавляющее большинство польских беженцев (98%) оказалось сконцентрировано в пределах Европейской России и Урала, около 1% — пришлось на Сибирь, остальные польские беженцы (1%) находились в кавказских и среднеазиатских губерниях империи (подсчитано по: Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 18. С. 10).

С точки зрения распределения беженцев по губерниям прежнего местожительства в рамках Царства Польского наибольшее число жителей покинуло Варшавскую, Ломжинскую, Люблинскую и Сувальскую губернии (Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 15. С. 13). Вот как Альфред Нокс, военный атташе Великобритании в России, в годы Первой мировой войны находившийся в русской армии, описывал «исход» населения в связи с отступлением русских войск из Польши:

«Удивительно горькой чертой отступления являлось большое количество беженцев, заблокировавших все дороги по мере отступления русских войск. Казалось, что все польское крестьянство мигрировало из районов восточнее Вистулы. Русские говорили, что не заставляли крестьян уезжать, если не предполагалось, что их деревни окажутся местом боевых действий. У оставшихся, однако, объявлялись реквизиции всего скота, лошадей, бекона, чая и сахара, поэтому для лишенных основных средств существования и пропитания людей было практически невозможным остаться на прежних местах. К сожалению, гражданские служащие уезжали первыми, и проводить реквизиции приходилось Интендантскому корпусу. Последний, не имея для этой цели соответствующего штата, выполнял свою задачу самым нерадивым образом. Власти тыловых районов оказались в трудном положении, сталкиваясь с необходимостью справляться с движением населения, принявшим масштабы общенациональной миграции. Даже если бы имелись поезда, они были бы бесполезны для крестьян, чье имущество было слишком громоздким. Они передвигались на своих длинных польских телегах, которые, как правило, тянули две лошади, при этом отец семейства правил, а мать сидела наверху семейного скарба в окружении малолетних детей. Их старшие братья и сестры гнали стада гусей и свиней по обочинам дорог.

Недалеко от Бельска я проехал двадцать непрерывных миль таких беженцев. Некоторые из них шли от самого Плоцка и были в пути целый месяц. На вопрос “зачем они покинули свои дома?” они обыкновенно говорили, что если бы они остались, то страдали бы от голода, так как “немцы забрали все”, а “Россия, во всяком случае, не позволит нам голодать”. На вопрос о том, куда они направляются, они отвечали, что не знают.

Польские крестьяне — одни из самых лучших в мире — непьющие, трудолюбивые и религиозные. То самообладание, с которым эти бедные люди встречали свои несчастья, заставляло сердце сжиматься от боли за них. Женщины часто тихо плакали, вокруг было много лиц с выражением абсолютного отчаяния, но ни единой жалобы, ни вспышек гнева не наблюдалось. Я видел одного крестьянина, стойчески правившего повозкой, на которой лежало тело его жены, умершей по дороге; вокруг нее на подстилке лежали дети. Он “держался”, пока не добрался до католического кладбища. Красный крест открыл питательные пункты, чтобы обеспечивать беженцев бесплатным чаем и хлебом. Русские солдаты относились к беженцам с неподдельной добротой. Русское интендантство получило приказ покупать весь их скот по справедливой цене. Однако, несмотря на все это, никогда не узнать, сколько этих бедных людей умерло в ходе их странствия. На следующий год я обнаружил, что расположенные дальше к востоку главные дороги, по которым прошла волна беженцев, через каждые сто ярдов были усеяны наспех сделанными крестами, отмечавшими общие могилы, где были захоронены жертвы холеры. Некоторые польские беженцы оказались даже за Уралом. Четыре года спустя поляки жили в землянках Омска» (Knox A. *With the Russian Army, 1914–1917. Being Chiefly Extracts from the Diary of a Military Attache.* London: Hutchinson, 1921. Vol. 1. P. 322, 323).

^{vii} Санкт-Петербурго–Варшавская железная дорога была построена в 1852–1862 гг., протяженность ее составляла 1 046 верст, а с веткой к границе с Пруссией — 1 225 верст (1 280 км). Проходила через Гатчину — Лугу — Псков — Остров — Пыталово — Режицу–Динабург (Двинск) — Вильно — Ландварово — Гродно — Белосток. Гатчина, располагавшаяся на 42-й версте от Санкт-Петербурга, с 1870 г. являлась узловой станцией, поскольку соединялась с Балтийской железной дорогой.

^{viii} Сомерсет — графство, расположенное в юго-западной части Англии, где климат более мягкий и влажный, чем на остальной территории страны.

^{ix} Фартинг — самая мелкая разменная английская монета, равная 1/4 пенни (см. примеч. 14).

^x Литания — в христианстве молитва, состоящая из повторяющихся коротких молебных воззваний. Наиболее часто употребляется в богослужбной практике Католической церкви.

^{xi} В дореволюционной России деятельность фельдшера протекала под контролем и руководством врача. Фельдшеры должны были оказывать помощь при остро протекающих болезнях там, где нет врача, при этом они были обязаны при первой возможности довести информацию до сведения ближайшего врача; они имели право самостоятельно принимать необходимые меры при появлении эпидемических заболеваний (холеры, скарлатины, оспы, тифа и дифтерии) с обязательным извещением ближайшего врача и получением от него инструкций; производить малые хирургические операции, накладывать повязки при переломах, производить оспопрививание и оказывать самостоятельно помощь при отравлениях и удушении. В 1913 г. в России числилось 29,9 тыс. фельдшеров (гражданских врачей — 25,4 тыс.). Число самостоятельных фельдшерских пунктов превышало количество врачебных пунктов во всех неземских губерниях, кроме Киевской и Астраханской, и в подавляющем большинстве земских губерний, так как их организация обходилась земству значительно дешевле. По всей России в 1910 г. было 3,8 тыс. врачебных участков и 4,6 тыс. фельдшерских пунктов.

^{xii} Чахотка — устаревшее название прогрессирующего истощения организма, обусловленного хроническим заболеванием легких, чаще всего — тяжелыми формами туберкулеза.

^{xiii} В общенациональном масштабе размеры и виды помощи, оказываемой беженцам, были впервые установлены «Руководящими положениями по устройству беженцев», принятыми 2 марта 1916 г. В соответствии с пунктом 15, беженцы имели право на следующую помощь: «1) бесплатная, за казенный счет, перевозка по железным дорогам и водным путям; 2) продовольствие как в пути, так и на местах нового водворения; 3) предоставление помещения с отоплением и освещением; 4) обеспечение врачебною помощью; 5) удовлетворение религиозных и образовательных нужд; 6) призрение детей беженцев, а также инвалидов; 7) подыскание заработка и предоставление юридической помощи; 8) снабжение одеждою, бельем и обувью; 9) выдача ссуд по правилам, которые будут особо установлены, и 10) другие виды помощи, направленные к сохранению хозяйственного инвентаря беженцев в пути и на местах их временного поселения». В пункте 19 «Руководящих положений...» оговаривалось, что «из числа осевших беженцев продовольственную и квартирную помощь получают: а) дети

до 14 лет включительно, б) нетрудоспособные, в) один из трудоспособных членов семьи, вынужденный остаться при детях в целях необходимого за ними присмотра, и г) принятые на сельскохозяйственные работы». Беженцы, получившие иной заработок, а также уклоняющиеся от «приемлемых и соответствующих их познаниям и навыкам заработков» лишались продовольственного и квартирного пайков. Пункт 22 определял, что «в зависимости от местных цен и условий» размер беженского продовольственного пайка устанавливался в пределах от 15 до 20 коп. в день на человека. Увеличение размера пайка свыше 20 коп. допускалось «при наличности исключительных условий» лишь с разрешения министра внутренних дел после согласования с Особым совещанием по устройству беженцев. Продовольственный паек должен был выдаваться в полном размере только на четырех членов семьи, а на каждого последующего, начиная с пятого, — лишь в половинном размере (пункт 23). Согласно пункту 24, «для обеспечения беженцев помещением и отоплением они размещаются: в городах — в подходящих для того казенных, городских или земских зданиях или в специально нанятых для них земством, городом или национальными организациями, или построенных помещениях, избегая, по возможности, размещения казарменным порядком; в сельских местностях — в подходящих помещениях за плату, выдаваемую владельцам помещений, считая в той же плате стоимость отопления и освещения». Размер квартирного пайка устанавливался (из расчета на одного беженца в месяц) в пределах 1 руб. 20 коп. в сельских местностях и 2 руб. — в городах, пригородах и поселениях, имевших городской характер. Как в случае с продовольственным пайком, увеличение квартирного пайка свыше установленных размеров было возможно лишь с разрешения Министерства внутренних дел. На снабжение беженцев бельем, одеждой и обувью казна выделяла в среднем не более 20 руб. на одного нуждающегося в год (пункт 26) (Руководящие положения по устройству беженцев. Пг., 1916. С. 9–14).

^{xiv} Шиллинг — английская монета и счетно-денежная единица Великобритании до перехода на десятичную денежную систему в 1971 г.; равнялась 12 пенсам, или 1/20 фунта стерлингов. Соответственно пенс (пенни) — мелкая разменная английская монета, равная 1/12 шиллинга.

^{xv} В царской России централизованная система контроля миграционных потоков и помощи беженцам в годы Первой мировой войны, по существу, отсутствовала. В соответствии с положением «Об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г., «заботы по обеспечению материальных и духовных нужд беженцев» возлагались на «министра внутренних дел, главноуполномоченных по устройству беженцев, губернаторов и градоначальников, на земские учреждения и городские общественные управления и на местные комитеты». Оказанием помощи лицам, пострадавшим от военных действий, занимался также Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский комитет), учрежденный еще в 1914 г. Указанным лицам и учреждениям разрешалось приглашать к «широкому сотрудничеству» в деле помощи беженцам «общественные и частные учреждения, осуществляющие однородные с этим делом задачи, отдельных лиц обоюбого пола, желающих облегчить положение беженцев, и вообще все местные общественные силы». Кроме того, на местах право организации попечения о беженцах было предоставлено «всем православным приходам и прочим местным церковным общинам без различия веры и национальности». Для «обсуждения и объединения всех мер по обеспечению нужд беженцев» под председательством министра внутренних дел было создано Особое совещание по устройству беженцев (Беженец: еженедельная газета. 1915. № 1 (4 окт.). С. 2–4). Обилие государственных и общественных структур, привлеченных к решению «беженского вопроса», по причине пересечения их компетенций нередко создавало благоприятную почву для разного рода противоречий и конфликтов. Так, весьма показательной являлась ситуация, сложившаяся осенью 1915 г. в Самаре. Уполномоченный Земского и Городского союзов С. П. Руднев отмечал: «Я виделся с представителями наших союзов и говорил. Согласия у них нет. Люди они все хорошие, но делят беженцев на “ваших” и “наших”. А именно: если они зарегистрированы в Самаре осевшими, то их городской комитет обслуживает; если не зарегистрированы, то значит, это — земские. Земские же люди говорят:

— Всех осевших в Самаре взялся кормить Татьянинский комитет, пусть он и ведается с ними. А вот когда в уезды привезут, тогда мы и будем знать, кого и как обслуживать. А то нас “центр” не извещает: сколько и когда прибывает — мы не знаем.

Поэтому все беженцы, прибывшие в Самару и здесь остающиеся для отправки в губернию, остаются вне всякого надзора и ухода и попадают в условия, гораздо худшие, чем в вагоне... <...> Получается иллюстрация классических семи нянек», — резюмировал автор (Беженец: еженедельная газета. 1915. № 2 (18 окт.). С. 2). В дальнейшем «ведомственный» подход полностью изжит не был, особенно после активизации деятельности различных национальных комитетов, ориентированных на помощь определенным этническим группам беженского населения.

^{ix} Перечисленные здесь В. Турстан формы призрения беженцев в России были известны и распространены. См. об этом, например: ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 88. Л. 3–4, 6, 11–12, 21; Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 24. Л. 14; Краткий обзор деятельности Прибалтийского латышского комитета по оказанию помощи беженцам. С 8-го июля 1915 г. по 8-е января 1916 г. Рига, 1916; Обзор деятельности и отчет Островского отдела Псковского губернского отделения Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию помощи беженцам за 1915 год. Остров, 1916; Краткий очерк жизни детских приютов / Жолнинский подотдел Комитета по оказанию помощи жертвам войны 1915–1917 г. Н. Новгород, 1917; Отчет Томского Еврейского комитета помощи жертвам войны (4 сентября 1915 — 1 октября 1916 г.). Томск, 1917; и др.

Nikolay A. Mikhalev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: n.mikhalev@mail.ru

“THE GREATEST TRAGEDY OF THE WAR IS NOT SEEN UPON A BATTLEFIELD”: REFUGEES OF WORLD WAR I IN RUSSIA

The publication deals with the history of the Russian refugees of World War I period. The author demonstrated that the comprehensive study of the period required in addition to the analysis of clerical records and periodic publications' materials, as was the common practice of the majority of the Russian researchers until today, also the study of personal documents (ego-documents) created by the refugees themselves or the immediate witnesses of mass migrations of the war years. By way of example of this type of “personal texts” the publication cited an extract from the hitherto unpublished notes of an English nurse Violet Thurstan, who during the winter of 1915/1916 participated in the organization of ambulance and medical care services for the Russian refugees.

Key words: *The First World War, refugees, V. Thurstan, ego-documents*

REFERENCES

- Gatrell P. *A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1999, 317 p. (in English).
- Gran M. M. *Trudy komissii po obsledovaniyu sanitarnykh posledstviy voyny* (Proceedings of the Commission survey sanitary consequences of war). Moscow, 1923, Vol. 1, pp. 1–267. (in Russ.).
- Hardie-Budden M. Available at: <http://www.oxforddnb.com/view/article/59611> (accessed 20 January 2014). (in English).
- Knox A. *With the Russian Army, 1914–1917. Being Chiefly Extracts from the Diary of a Military Attache*. London: Hutchinson, 1921, Vol. 1, 368 p. (in English).
- Miss Violetta Thurstan on active service in Spain (*The British Journal of Nursing*), 1937, Vol. 85, p. 79. (in English).
- «*Otprave nas, bezhentsev, na svoi rodimye mesta...*»: *bezhentsy Pervoy mirovoy voyny na Urale, nachalo 1920-kh gg. Dokumenty GASO / Predislovie, podgotovka i kommentarii N. A. Mikhaleva* [“Send us refugees to our birth-place...”: refugees of World War I in the Urals, the beginning of the 1920s. Documents SASR / Preface, preparation and comments N. A. Mikhalev], *Ural'skij istoriceski vestnik* (Ural Historical Journal), 2012, № 1 (34), pp. 134–146. (in Russ.).
- Surzhikova N. V., Mikhalev N. A., Pyankov S. A. *Vestnik Permskogo universiteta* (The Perm University Herald), 2012, № 3 (20), pp. 44–52. (in Russ.).
- Volkov Ye. Z. *Dinamika narodonaseleniya SSSR za vosemdesyat let* [Population dynamics of the USSR for eighty years]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo Publ., 1930, 273 p. (in Russ.).